

Международные отношения в эпоху гибридных угроз: что изменилось для России

Новая реальность за столом переговоров

Когда мы говорим о международных отношениях сегодня, привычные дипломатические протоколы кажутся почти анахронизмом. Ещё десять лет назад ключевым инструментом влияния считались экономические санкции и военные альянсы. Сейчас же на первый план выходят цифровые атаки, информационные вбросы и манипуляции общественным мнением. Российские переговорщики, работающие в ООН или в двусторонних форматах, всё чаще сталкиваются с ситуацией, когда реальная повестка заседания расходится с тем, что потом попадает в протокол. Это не конспирология — это практика, которую признают даже чиновники среднего звена в МИДе.

Взять хотя бы недавние слушания по кибербезопасности в Женеве. Официально речь шла о защите критической инфраструктуры. Неофициально — о том, как страны используют уязвимости в программном обеспечении для разведки и саботажа. Российская сторона предлагала рамочное соглашение, но оно застряло в комитетах, потому что каждый пункт трактовался по-разному в Вашингтоне и в Пекине. Именно такие детали и составляют сегодня суть международных отношений — не парадные заявления, а борьба за формулировки и доступ к технологиям.

Энергетика как оружие и как якорь

Традиционно "Газпром" и "Росатом" считались инструментами мягкой силы. Поставки газа и строительство АЭС якобы привязывали европейские страны к России экономически. Однако события последних двух лет показали, что энергетическая зависимость работает в обе стороны. Когда Германия начала срочно заполнять подземные хранилища, а затем ввела потолок цен, стало ясно: [международные отношения](#) в энергетике больше не строятся на доверии. Они строятся на страхе и прагматизме.

Для российских экспортёров это обернулось переориентацией потоков. Трубопроводный газ в Европу почти сошёл на нет, зато резко выросли поставки СПГ в Индию и Китай. Но логистика там сложнее, а цены менее предсказуемы. Один из трейдеров, с которым я общался прошлой зимой, рассказывал, что контракты теперь пересматривают каждые три месяца, а не раз в год. Раньше такое считалось признаком нестабильности, теперь — нормой выживания.

Санкционные петли и чёрные ходы

Санкционное давление на Россию достигло такого уровня, что юристы международных компаний тратят до половины рабочего времени на compliance — проверку, не нарушит ли сделка очередной пакет ограничений. При этом эффективность санкций часто переоценивают. Да, они затруднили импорт высокотехнологичного оборудования, но одновременно стимулировали параллельный импорт и развитие собственных производств. Например, станкостроение в Татарстане получило толчок именно потому, что европейские поставки прекратились.

С другой стороны, уход из России таких брендов, как Siemens или Bosch, создал вакуум, который пока нечем заполнить. Запчасти для уже установленного оборудования приходится везти через третьи страны с наценкой 30–50 %. Это бьёт по карману конечного потребителя и замедляет модернизацию заводов. Так что международные отношения сегодня — это не только дипломатические ноты, но и ежедневный выбор: покупать станок с риском вторичных санкций или пытаться сделать свой, с потерей в качестве и сроках.

Роль разведки и контрразведки

В советское время считалось, что разведка добывает секреты, а дипломаты их используют. Теперь граница размыта. Сотрудники посольств нередко выполняют задачи, которые раньше были прерогативой спецслужб. В 2023 году в Австрии выслали двух российских дипломатов, якобы замешанных в кибершпионаже. Официальная реакция Москвы была жёсткой, но непублично наши же дипломаты признавали, что "игра стала грязнее".

Интересный момент: после 2022 года количество публичных разоблачений российских агентов в Европе выросло, но качество работы СВР и ГРУ, по оценкам западных экспертов, не снизилось. Просто изменились методы. Вместо вербовки агентов влияния — работа с социальными сетями и Telegram-каналами. Вместо тайников — криптовалютные переводы. Это заставляет пересматривать классические учебники по международным отношениям, где основной единицей анализа всё ещё считается государство, а не сетевые структуры.

Судебные процессы и международное право

Громкие судебные дела, такие как иск Украины против России в Международном суде ООН или разбирательства по "делу Скрипалей", показывают, что правовые механизмы всё чаще используются как продолжение политики. Российские юристы-международники жалуются, что аргументы по существу тонут в политизированных

решениях. Например, доводы Москвы о геноциде на Донбассе в 2014–2015 годах суд отклонил, сославшись на недостаток юрисдикции, хотя аналогичные иски по другим конфликтам принимались.

Тем не менее полностью игнорировать международное право нельзя. Даже критикуя Гаагский трибунал, Россия продолжает участвовать в заседаниях и направлять свои возражения. Почему? Потому что выход из правового поля лишает страну возможности влиять на формирование норм. А нормы, однажды установленные, потом применяются ко всем, включая саму Россию. Это понимают даже в Кремле, поэтому работа над альтернативными правовыми платформами — например, в рамках БРИКС — идёт активно, хоть и без лишнего шума.

Что дальше: фрагментация вместо глобализации

Если раньше международные отношения стремились к универсальным правилам (ВТО, Договор о нераспространении, Парижское соглашение по климату), то теперь мы наблюдаем регионализацию. Каждая крупная держава пытается выстроить свой "пояс безопасности" из лояльных стран. Россия — через ЕАЭС и ОДКБ, Китай — через инициативу "Пояс и путь", США — через AUKUS и QUAD. Пересечение этих блоков создаёт зоны неопределённости, где интересы сталкиваются, а механизмов разрешения конфликтов нет.

Для обычного гражданина это оборачивается ростом цен, усложнением поездок за границу и нестабильностью валютных курсов. Но для тех, кто принимает решения, это вызов и одновременно возможность. Пока западные страны тратят ресурсы на сдерживание, Россия наращивает присутствие в Африке и Латинской Америке — не только через военных советников, но и через зерно, удобрения и ядерные реакторы. Именно такие, казалось бы, локальные сделки и формируют новый ландшафт международных отношений, где слово "союзник" потеряло прежнюю ценность, а на первое место вышли конкретные поставки и платёжеспособность.